

УДК 821.054.7
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

И.А. БУНИН И Е.В. СПЕКТОРСКИЙ: ПЕРЕПИСКА (1928–1933)

© 2018 г. А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов
*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*
Дата поступления статьи: 10 апреля 2018 г.
Дата публикации: 25 декабря 2018 г.
DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-298-315

*Публикация подготовлена в Институте мировой литературы
им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда
(проект №17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология,
методология»). Руководитель — В.В. Полонский*

Аннотация: Данная публикация раскрывает один из аспектов темы «И.А. Бунин и русская эмиграция в Югославии». В публикации представлена переписка И.А. Бунина с ученым-правоведом, профессором Белградского и Люблянского университетов, председателем Русского научного института и Русской матицы Е.В. Спекторским, а в Приложении — письмо коллеги и преемника Е.В. Спекторского на посту председателя Русского научного института — профессора Ф.В. Тарановского к И.А. Бунину. Публикуемые документы хранятся в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе (РАЛ, Великобритания) и в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В публикации использованы также материалы Архива внешней политики Российской империи при Министерстве иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ) и Архива Сербской академии наук и искусств (САНУ, Белград).

Ключевые слова: И.А. Бунин, Е.В. Спекторский, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев / Югославия, Русский научный институт, Русская матица.

Информация об авторах: Антон Владимирович Бакунцев — кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, 125009 г. Москва, Россия.

E-mail: auctor@list.ru;

Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Для цитирования: Бакунцев А.В., Морозов С.Н. И.А. Бунин и Е.В. Спекторский: переписка (1928–1933) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 298–315.
DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-298-315

IVAN BUNIN AND EVGENY SPEKTORSKY: CORRESPONDENCE (1928–1933)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2018. A.V. Bakuntsev, S.N. Morozov
*Lomonosov Moscow State University,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*
Received: April 10, 2018
Date of publication: December 25, 2018

Acknowledgements: The publication was prepared at the A.M. Gorky Institute of the World Literature of the Russian Academy of Sciences and was supported by the Russian Scientific Fund (the project No. 17-18-01410 “The Academic Bunin. Source Study, Textual Criticism, Methodology”). The IP of the project is Vadim V. Polonsky.

Abstracts: This publication discloses one of the aspects of a broader subject “Ivan A. Bunin and the Russian emigration in Yugoslavia.” The publication presents the correspondence of I.A. Bunin with the scientist-jurist, professor of the Belgrade and Ljubljana universities, the chairman of the Russian Scientific Institute and the Russian matitsa E.V. Spectorisky. The reasons for starting this correspondence were the following: 1) the decision of the Council of the Russian Scientific Institute to invite Bunin as a lecturer (1928); 2) Bunin’s Nobel Prize in literature (1933). The letter of Spektorsky’s successor as chair of the Russian Scientific Institute, professor Fyodor V. Taranovsky to Bunin may be found in the Attachment. The published letters are stored in the Buninsky collection of the Russian archive in Leeds and in the State Archive of the Russian Federation. The article also uses material from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire at the Russian Foreign Ministry and material from the Archive of the Serbian Academy of Sciences and Arts.

Keywords: Ivan A. Bunin, E.V. Spektorsky, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia, Russian Scientific Institute, Russian Matitsa.

Information about authors: Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Mohovaya 9, 125009, Moscow, Russia.

E-mail: auctor@list.ru;

Sergey N. Morozov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069, Moscow, Russia.

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

For citation: Bakuntsev A.V., Morozov S.N. Ivan Bunin and Evgeny Spektorsky: Correspondence (1928–1933). *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 4, pp. 298–315. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-298-315

В гигантском эпистолярии Бунинской коллекции РАЛ имеется немало писем от лиц, с которыми И.А. Бунина, по существу, ничто не связывало. Главным образом это поздравления с присуждением писателю Нобелевской премии и просьбы о вспомоществовании. Авторы подобных посланий Бунин, как правило, не знал лично и никогда с ними не встречался. Впрочем, и среди его постоянных корреспондентов были такие, с кем ему за всю жизнь не довелось обменяться рукопожатием и поговорить визави (к числу последних принадлежал, например, А.В. Амфитеатров).

Видный ученый-правовед, представитель «классической» русской профессуры Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) тоже, скорее всего, был для Бунина заочным и во многом «оказиональным» знакомцем. Об этом говорят не только «количественный состав» и содержание их переписки, но и отсутствие каких бы то ни было упоминаний о Е.В. Спекторском в известных на сегодня документальных материалах, исходящих от самого Бунина, его жены и окружения. Хотя судьба вполне могла свести писателя со Спекторским, например, в пореволюционной Одессе — накануне эмиграции, или на эвакуационном пароходе, или на Балканах — в первые месяцы беженского существования¹.

В истории науки русского зарубежья Е.В. Спекторский занимает довольно скромное — по крайней мере, в сравнении с В.В. Зеньковским, П.Б. Струве, С.Л. Франком, А.А. Кизеветтером, Н.О. Лосским, П.И. Нов-

1 Нельзя исключать вероятности и того, что они могли познакомиться в 1937 г. — во время бунинского визита в Югославию, где Спекторский жил и работал в 1920–1924 и 1928–1945 гг. Однако и в этом случае мы вынуждены выдвигать только предположения — в силу тех же причин, о которых было сказано в начале данной вступительной статьи.

городцевым и др. — место. Тем не менее Спекторского нельзя назвать малоизвестной фигурой. В последние годы о нем написан ряд превосходных исследовательских работ (см.: [4, с. 128–129; 6; 8; 9]). Поэтому, думается, нет необходимости подробно излагать здесь его биографию. Отметим лишь ее наиболее значимые для нас вехи.

Будучи по образованию юристом, знатоком государственного права, Спекторский живо интересовался не только другими отраслями юриспруденции (церковным правом, философией права), но и совсем далекими от нее областями научного знания: историей России, историей литературы и культуры, социологией, христианской этикой и др. Столь разнообразная эрудированность наряду с гибким умом и даром администратора обеспечила ему блестящую карьеру, причем как до, так и в пору эмиграции. Впрочем, своим карьерным ростом Спекторский в определенном смысле был обязан также «великой русской революции» и последовавшей за ней «русской смуте»: деканом юридического факультета, а затем и ректором Киевского университета св. Владимира он, дотоле «рядовой» профессор, стал в 1918 г. — очевидно, в пору гетманщины и немецкой оккупации. Однако ни революцию, ни тем более советскую власть Спекторский не принял, до конца своих дней оставаясь приверженцем правых идей и последовательным противником большевизма.

Оказавшись на чужбине, Спекторский очень скоро выдвинулся в первые ряды русских ученых-изгнанников. Большая часть его жизни в эмиграции (в общей сложности 21 год) была связана с Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС) / Югославией, с Белградским (в 1920–1924, 1928–1930 гг.) и Люблянским (в 1931–1945 гг.) университетами². Занимаясь наукой и преподаванием, Спекторский весьма преуспел и как общественный деятель. Так, он участвовал в создании Общества русских ученых в Королевстве СХС (1920) и Русского научного института (1928) и стал первым председателем этих объединений. А в Любляне, вплоть до отъезда в Италию, возглавлял Словенское общество философии права и социологии и одну из крупнейших в Югославии эмигрантских культурно-просветительных организаций — так называемую Русскую матицу (1924).

² В эмиграции Спекторскому довелось также поработать на кафедре истории философии права Русского юридического факультета в Праге (в 1924–1928 гг.) и в Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке (в 1947–1951 гг.).

В роли председателя Русского научного института (в 1928–1930 гг.) и Русской матицы (в 1931–1945 гг.) Спекторский предстает и в публикуемой ниже переписке с Буниным.

Русский научный институт был основан и сразу включен в число «учреждений» Русского культурного комитета в Белграде³ в июне 1928 г. Инициаторами создания Института были русские ученые, осевшие в Королевстве СХС. В своей деятельности Институт делал упор на национальные ценности и традиции. С течением времени в нем было открыто 5 отделений: философское; языка и литературы; общественных и исторических наук; естественных, агрономических и медицинских наук; математических и технических наук, — а также военная секция. Лекции здесь читали русские профессора Белградского университета и Торговой академии, а также приглашенные из разных мест русского рассеяния преподаватели, ученые и литераторы. Студенчество составляла почти исключительно эмигрантская молодежь (см.: [13; 14]).

В деятельности Русской матицы на первый план также выдвигалось национальное начало. Это «дите славянской беды» — так Русскую матицу образно называл ее основатель и первый председатель профессор А.Д. Билимович (см.: [8, с. 19]) — являлось «культурно-национальным обществом», ставившим себе целью «поддержание и развитие национального сознания среди русских людей; содействие народному просвещению; объединение русских людей на почве национально-культурной работы» (цит. по: [1, с. 67]). Зародившись в Любляне, организация вскоре открыла свои отделения в ряде других югославских городов, в том числе в Нови-Саде, Большом Бечкереке (ныне — Зреняине), Црвенке, Кралево, Бачка-Тополе, Ужице, Сомборе (Сербия), Загребе, Хростоваце (Хорватия), Баня-Луке (Босния и Герцеговина), Мариборе (Словения), а также в Брюсселе (см.: [1, с. 67]).

Переписка между Буниным и Спекторским завязалась после того, как Совет Русского научного института на своем первом заседании 24 июня 1928 г. постановил пригласить в качестве лекторов «на один год академи-

3 Среди таковых были также Русская публичная библиотека, Издательская комиссия, музыкальная, художественная и театральная студии. Кроме того, предполагалось также выпускать литературно-художественный журнал наподобие русских дореволюционных «толстых» журналов, однако этот проект остался нереализованным (см.: [2, с. 32–36]).

ка П.Б. Струве, на один семестр — профессора Н.О. Лосского, профессора Д.П. Рябушинского и академика И.А. Бунина» и назначить каждому из них «ежемесячный оклад в 6000 динар»⁴. Спустя 5 дней, 29 июня, это постановление было подтверждено Русским культурным комитетом в Белграде, чьим «структурным подразделением» Русский научный институт формально являлся. По рекомендации Комитета, в список приглашаемых лекторов был дополнительно включен Д.С. Мережковский. Окончательные условия бунинского сотрудничества с Русским научным институтом предполагалось обсудить непосредственно, в ходе предстоявших в сентябре 1928 г. в Белграде IV Съезда русских академических организаций зарубежья и I Съезда союзов русских писателей и журналистов за границей. Однако Бунин отклонил предложение Русского научного института и в съездах участия не принимал (см.: [2, с. 34–35]). Тем не менее Институт не собирался так легко отказываться от своей первоначальной затеи и в июне 1929 г. через Спекторского повторно пригласил писателя выступить в Русском научном институте, на прежних условиях. Каков был бунинский ответ и был ли он вообще, неизвестно⁵.

В дальнейшем попытки привлечь Бунина к сотрудничеству с Русским научным институтом больше, по-видимому, не предпринимались⁶. И без того нерегулярная, «пунктирная» переписка между Буниным и Спекторским, скорее всего, заглохла⁷. Чем-то вроде «постскриптума» к ней стал присланный уже из Любляны, от лица Русской матицы, поздравительный адрес по случаю присуждения писателю Нобелевской премии. Этот адрес весьма лаконичен и сдержан в проявлении чувств, что особенно бросается

4 АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 12.

5 Бунин посетил югославскую столицу лишь в конце лета 1937 г., однако и тогда ни в Русском научном институте, ни где бы то ни было еще публично не выступал.

6 В ноябре 1930 г. Спекторского на посту председателя Русского научного института сменил его коллега и старинный друг Федор Васильевич Тарановский (1875–1936) (см.: [7; 15; 16, с. 432–456]).

7 В том, что она была именно таковой, сомневаться не приходится. Объективно у писателя и бывшего ректора Киевского университета было мало общего. К тому же Бунина могла раздражать та навязчивость, с какой Спекторский предостерегал его от контактов с белградским отделением пражского (эсеровского по своему составу) Земгора — в случае, если бы писатель все-таки принял предложение Русского научного института и wszел на его кафедру. В подобных предостережениях Бунин вполне мог усмотреть посягательство на свою личную свободу.

в глаза при сравнении его с некоторыми аналогичными посланиями от других лиц и организаций⁸.

Публикуемая ниже переписка определенно не является полной. Так, помимо единственного уцелевшего письма Бунина к Спекторскому (п. 3), явно были и другие (по меньшей мере, одно), в чем легко убедиться при чтении писем Спекторского (например, п. 2). Очевидно, эти бунинские послания утрачены. С другой стороны, очень может быть, что и писем Спекторского изначально было больше четырех. Ведь писатель имел обыкновение уничтожать не только собственные черновые рукописи и дневники, но и некоторые «посторонние» бумаги, не представлявшие для него интереса и ценности. Среди таковых запросто могла оказаться и часть писем Спекторского (разумеется, при условии, что они вообще существовали)⁹.

Письма-автографы Спекторского хранятся в Бунинской коллекции РАЛ, письмо-автограф Бунина — в фонде Русского научного института ГАРФ.

Переписка печатается по оригиналам, в соответствии с нормами современного русского правописания. В угловых скобках восстановлены сокращения и пропуски, имеющиеся в подлинниках, а также даны необходимые публикаторские пояснения. Рукописные выделения в текстах (например, подчеркивания) унифицированы и заменены курсивом. Тексты писем публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

За неоценимую помощь, оказанную при подготовке данной публикации, ее авторы благодарят сотрудников ГАРФ, АВПРИ, Российской государственной библиотеки, Библиотеки Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а также лично Р. Дэвиса (РАЛ) и В. Крестича (САНУ).

8 См., например, в Приложении к данной публикации письмо Ф.В. Тарановского к Бунину.

9 Очень показательным в этом смысле, например, то, что большая часть писем к Бунину от председателя Издательской комиссии при Русском культурном комитете в Белграде В.Д. Брянского известна нам только благодаря «отпускам» — машинописным копиям, оставшимся в архиве Комиссии (сейчас он является одним из фондов ГАРФ). В Бунинской коллекции РАЛ сохранилось лишь 4 письма Брянского: одно из них представляет собой машинописный оригинал, на бланке Издательской комиссии (это адрес по случаю присуждения писателю Нобелевской премии), остальные три — автографы. В настоящее время переписка Бунина с Брянским и председателем Русского культурного комитета А. Беличем готовится к опубликованию во 2 книге 110 тома «Литературного наследства».

г. Е.В. Спекторский — И.А. Бунину

Белград. 18 июля 1928 г.

Милостивый государь, многоуважаемый Иван Алексеевич, честь имею сообщить, что в Белграде основан русский институт, при котором имеется кафедра изящной словесности с ежемесячным окладом в 6 тысяч динаров, на которую предположено пригласить поочередно всех крупных русских писателей. В первую очередь намечены Вы и Д.С. Мережковский. Я имею поручение от совета института списаться с Вами обоими и установить сроки Вашего прибытия и пребывания у нас. О том же предполагает с Вами обоими лично переговорить и председатель сербского попечительного комитета института проф. А.И. Белич¹, находящийся теперь во Франции². Относительно Ваших занятий в Белграде мы Вам предоставляем полную свободу. Единственное условие категорического характера — не принимать никакого участия в работе здешнего отделения пражского Земгора, ибо и мы, здешние ученые, и помогающие нам сербские учреждения смотрим на институт как на строго академический противовес Земгора и его тенденциозной политической работы³.

Если бы Вы приехали к IV академическому съезду, который будет происходить в Белграде между 16 и 23 сентября, то от имени организационного комитета я Вас очень прошу не отказать произнести речь на тему по Вашему выбору о Толстом на посвященном ему заседании съезда. Предполагаются еще речи проф. Кульмана⁴, Лосского⁵ и моя⁶.

Не откажите сообщить: 1) когда Вы по соглашению с Д.С. Мережковским предполагаете приехать в Белград, 2) не следует ли Вам выслать денежный аванс на переезд в Белград, который Вам будет оплачен из средств института.

Примите уверение в моем совершенном к Вам уважении.

Председатель Института Е. Спекторский

18/VII

Београд, Престононаследникова, 10

Публикуется по автографу: РАЛ. MS. 1066/5269. Год написания письма установлен по содержанию.

¹ Белич Александр (1876–1960) — сербский ученый-лингвист, питомец Новороссийского (ныне — Одесского) и Московского университетов, ученик профессора Ф.Ф. Фортунатова, профессор Белградского университета (с 1905 г.), член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1910 г.), президент Королевской Сербской академии наук / Сербской академии наук и искусств (с 1937 г.), председатель Государственной комиссии по делам русских беженцев в Королевстве СХС / Югославии (1922–1941) и Русского культурного комитета в Белграде (1928–1941). Согласно протоколу заседания этой последней организации от 29 июня 1928 г., А. Белич был избран в Правление Русского научного института «представителем сербской науки» (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 12). Эмигранты, в соответствии с русским речевым этикетом, называли Белича по имени-отчеству — Александром Ивановичем. Подробнее о Беличе и его контактах с русской эмиграцией в Королевстве СХС / Югославии (см.: [17]).

² В точности неизвестно, какой характер носила поездка Белича во Францию — частный или служебный. В любом случае, Русский культурный комитет поручил Беличу, среди прочего, «переговорить об одновременном с академиком И.А. Буниным приглашении Д.С. Мережковского» (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 12).

³ Спекторский в данном случае имеет в виду белградское отделение Объединения Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике, более известного как пражский Земгор и учрежденного 17 марта 1921 г. членами партии социалистов-революционеров (потому-то в эмигрантской среде эта организация воспринималась как своего рода «филиал» партии эсеров, обосновавшихся в Праге). Основная цель пражского Земгора состояла в распределении государственной помощи эмигрантам в рамках «русской акции», осуществлявшейся правительством Чехословакии. Земгор занимался также культурно-просветительской деятельностью. Свое отделение в Королевстве СХС он открыл в середине 1920-х гг., придя на смену парижскому Земгору, который был вынужден свернуть работу из-за крайнего недоброжелательства местных правых, которые считали эсеров (разумеется, из-за внутренней политики А.Ф. Керенского) главными виновниками катастрофы, постигшей Россию в октябре 1917 г. Столь же враждебно правые отнеслись и к пражскому Земгору. Тем не менее его белградскому отделению удалось привлечь на свою сторону часть сербской — либерально и в то же время русофильски — настроенной интеллигенции. «Уже в 1927 году Русская студия искусств при Земгоре выпустила общественно-литературный сборник “Ступени”, в котором приняли участие русские и югославские авторы, а с 1928 по 1937 года научным отделением белградско-

го Земгора издавался на сербскохорватском языке журнал “Руски архив”, который министерство просвещения рекомендовало в 1929 году как источник информации о СССР. Политическая и социальная информация совмещалась в этом журнале с литературной частью. Наряду с русскими в нем принимали участие и сербские авторы, но ядро редакции составляли бывшие редакторы пражской “Воли России” [12, с. 92]. Вероятно, под «тенденциозной политической работой» белградского Земгора Спекторский подразумевал именно издание «Русского архива» (1928–1937). «Среди консервативной русской эмиграции старшего поколения, — пишет Е.А. Бондарева, — журнал нашел мало понимания, зато был любим молодежью и высоко ценился сербской общественностью, что определялось его “неэмигрантской интонацией” и стремлением дать возможно более полную и объективную информацию о событиях в СССР, в чем ощущалась большая потребность. Сербская печать — “Политика”, “Трговински гласник” и др. называли “Русский архив” лучшим толстым журналом, выходящим на сербском языке, “ответом на большие социальные и культурные ожидания”» [4, с. 132–133]. Еще одним проектом белградского Земгора был Институт по изучению России и Югославии.

⁴ *Кульман* Николай Карлович (1971–1940) — ученый-филолог, литературовед, общественный деятель.

⁵ *Лосский* Николай Онуфриевич (1870–1965) — философ, историк философии.

⁶ Согласно программе IV Съезда академических организаций зарубежья, которая печаталась в белградских газетах, заседание памяти Л.Н. Толстого должно было состояться (и состоялось) в последний день съезда, 23 сентября 1928 г. Предполагались 4 доклада: «Толстой как художник» Н.К. Кульмана, «Толстой как художник и мыслитель» Н.О. Лосского, «Толстой и русская душа» С.В. Завадского и «Значение Толстого как мирового культурно-исторического явления» П.Б. Струве. Однако из-за того, что Н.О. Лосский в Белград не приехал, а П.Б. Струве заболел в самый канун съезда, прозвучали только два из заявленных докладов (см.: [10]).

2. Е.В. Спекторский — И.А. Бунину

Белград. 3 августа 1928 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,
я получил Ваше письмо¹ и спешу рассеять недоразумение. Мы вовсе не предлагаем Вам превратиться в профессора. Мы просто предлагаем Вам

приехать в Белград погостить, на нас посмотреть, себя показать и в случае, если Вы пожелаете, устроить одно или два публ<ичных> выступления в виде лекции, чтения произведений и т. п. Приглашаем мы Вас не навсегда, а на несколько месяцев, если хотите, всего на один или два и предлагаем за это оплату проезда и 6 тыс. дин<ар> в месяц. Посему мы не теряем надежды, что Вы возьмете свой отказ назад и если не сейчас, то позже заглянете к нам. Я думаю, что после парижского, как сказал бы К.Н. Леонтьев, «смесительного упрощения» балканская «цветущая сложность»² могла бы дать Вам несколько небесполезных впечатлений.

Так как Вы упоминаете о съезде, то довожу до Вашего сведения, что наш, академический съезд состоится 16–23 сентября, после чего состоится съезд журналистов. Одно из заседаний нашего съезда будет посвящено Толстому. И мы были бы очень рады, если бы и Вы прочли на этом заседании что-нибудь о Толстом. Адреса Белича я еще не узнал. Но сегодня я сообщил Ваш адрес для него. Очевидно, он сам Вам скоро напишет³.

Искренно уважающий Вас

Е. Спекторский

3/VIII

Публикуется по автографу: РАЛ. MS. 1066/5270. Открытка. В адресном поле: «Monsieur J. Bounine. Villa Belvédère. Grasse, A. M. France. Београд, Престолонаследникова, 10». Почтовый штемпель неразборчив. Год написания письма установлен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Спекторский использует термины из главного философского трактата К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» (1875). Согласно учению Леонтьева, любой живой организм, к каковым он относил не только представителей флоры и фауны, но и целые государства и цивилизации, проходит в своем развитии три фазы: «1) первичной простоты; 2) цветущей сложности и 3) вторичного смесительного упрощения» [5, с. 156]. В самом общем смысле первой фазе соответствуют зарождение и элементарные формы существования, второй — расцвет и полнота самореализации, третьей — гибель и разложение. В политическом плане к первой и третьей фазам Леонтьев относил соответственно античную и современную ему разновидности демократии, ко второй — разные виды деспотии. Высшей и, следовательно,

наиболее совершенной формой деспотии философ считал монархию. При этом само понятие деспотии трактовалось им в положительном ключе — в противоположность демократии, которую он считал низшей (либо первичной, либо упадочной) разновидностью государственного устройства. Вероятно, леонтьевские термины в данном случае служат Спекторскому метафорами для обозначения и противопоставления государственного уклада Французской Республики и Королевства СХС. Эти же слова можно истолковать и как намек на преобладание левых тенденций в умонастроениях «русского Парижа» — в противоположность «русскому Белграду» с его преимущественным тяготением вправо.

³ Действительно, 7 августа 1928 г. Белич, находившийся в ту пору в курортном городке под Греноблем, написал Бунину, предложив встретиться и обсудить участие писателя в проектах Русского культурного комитета (в первую очередь — в литературно-художественном журнале, который, по замыслу Комитета, должны были возглавить Бунин, Мережковский и Струве), а также в обоих белградских съездах (см.: [2, с. 34–36]).

3. И.А. Бунин — Е.В. Спекторскому

Грасс. 12 августа 1928 г.

Villa Belvédère

Grasse, A. M.

12-VIII-1928

Глубокоуважаемый профессор, получил Вашу открытку, очень благодарю Вас снова — за новую любезность Вашу. То, что Вы теперь пишете, рисует мне дело в ином виде, и, быть может, *зимой* я воспользуюсь Вашим предложением¹. Что до съездов, то боюсь, что занятия мои (весьма сейчас срочные)² и страх перед поездкой в Париж за визами, а потом перед мукой не спать двое суток, сидя в вагоне второго класса, лишат меня возможности быть на них³.

Сердечно Ваш

Ив. Бунин

P. S. Получил письмо от Белича. Он сейчас в Гренобле, затем будет в С<ен->Рафаэле. Тогда мы и увидимся с ним⁴.

Публикуется по автографу: ГАРФ. Ф. Р-6820. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

¹ Довольно скоро эти слова стали достоянием местной русской прессы, но в ее интерпретации они почему-то утратили свой гипотетический смысл. Так, белградская газета «Новое время», перечисляя тех, кто прибыл на I Съезд союзов русских писателей и журналистов за границей, отмечала: «Предполагалось еще присутствие И.А. Бунина, он дал свое согласие, но он получил приглашение от комитета открывающегося в Белграде Русского научного института и приедет только в конце года» [3]. Однако зимой 1928–1929 гг. Бунин в Белград не поехал. 6 ноября 1928 г. он писал Беличу: «Не теряю надежды заглянуть в Белград, хотя, признаюсь, боюсь Вашей зимы, она сурова, а у меня даже теплого пальто нет» (САНУ. 14386-IV-261). Возможно, писатель не кривил душой. Однако из письма жены В.Д. Брянского — М.А. Брянской к В.Н. Буниной от 27 декабря 1928 г. видно, что эти страхи были напрасны: «Ив<ан> Ал<ексеевич> боится, что здесь холодно, но у нас не холоднее, чем в Париже, вчера был первый холодный день –6°, а сегодня к вечеру уже 0. Доходит иногда до 15, но редко. Пальто у нас на ватине, это все» (РАЛ. MS. 1067/1560).

² Подразумевается работа над 3 книгой «Жизни Арсеньева», которую в октябре 1928 г. Бунин отправил в «Современные записки» и которая была напечатана в декабре того же года в 37 книжке журнала.

³ Примерно то же самое Бунин писал Б.К. Зайцеву 30 августа 1928 г.: «В Белград, верно, не поеду. Не кончил работу, дай Бог кончить к самому концу сентября... Да оказывается, что нужно ехать непременно через Париж, где самому выправлять визы (швейцарскую и австрийскую) — да иметь нансеновский паспорт... да три ночи не спать (одну до Парижа, а две там) и т. д.» [11, с. 174].

⁴ Белич гостил у Буниных на вилле «Бельведер» 31 августа — 1 сентября 1928 г. Затем писатель встречался с ним еще раз в Ницце 5 сентября того же года.

4. Е.В. Спекторский — И.А. Бунину

Белград. 9 июня 1929 г.

№ 150

9 / VI 1929 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

позволяю себе возобновить начатую переписку с Вами относительно Вашего приезда в Югославию. Приглашение Русского института остается в силе. И я имею от Совета Института поручение напомнить Вам об этом.

Мы Вас просим приехать на семестр, т. е. на 3 месяца. Если этот срок для Вас слишком продолжителен, то Вы можете его сократить. Никаких лекционных требований мы Вам не предъявляем. Но мы, конечно, были бы рады, если бы Вы выступили у нас один или несколько раз с Вашими произведениями, воспоминаниями или сообщениями о русской литературе. Вы можете выступать и по приглашению других организаций. В частности, я не сомневаюсь, что Вас пригласит Русская матица в Любляне, где Ал. Д. Билимович¹ предложит Вам гостеприимство в собственном доме. Единственное ограничение — это не выступать у здешнего <э><е>ровского Земгора, ведущего кампанию против Института и вообще, как Вы сами увидите, если приедете, представляющего довольно грязное учреждение. Если приедете, Вам будет возмещен проезд в оба конца во втором классе и Вы будете получать 6000 динаров в месяц (точнее, за вычетом государственного сбора, 5580). Не откажите сообщить, согласны ли Вы приехать и когда именно (наш сезон начнется в последних числах октября). Если приедете, кому из членов Вашей семьи, кроме Вас, следует выхлопотать визу²?

Искренно уважающий Вас

Е. Спекторский

Београд

Престолонаследникова, 56

Публикуется по автографу: РАЛ. MS. 1066/5271. Бланк: «Русский научный институт. г. Белград». В верхней части листа написано рукой Бунина, сиреневой ручкой: «Спекторский».

¹ *Билимович* Александр Дмитриевич (1876–1963) — ученый-экономист, общественный деятель, участник Белого движения на юге России; профессор Киевского (1909–1918), Люблянского (1920–1944) университетов, один из основателей и первый председатель Русской матицы (1924–1930). После Второй мировой войны был также деканом экономического и юридического факультета в университете, организованном в Мюнхене Администрацией помощи и восстановления Объединенных Наций (UNRRA) для русских эмигрантов (1945–1947) и преподавателем в Калифорнийском университете в Беркли (1948–1949). По политическим убеждениям — приверженец правых идей, националист.

² Ответное письмо Бунина неизвестно.

5. Е.В. Спекторский — И.А. Бунину

Любляна. 14 ноября 1933 г.

14 / XI 1933

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Международное признание, которое в Вашем лице получила новая русская литература, это наша национальная победа на поприсе духа.

Слава Мастеру русского слова и носителю лучших традиций русской литературы!

Председатель Русской матицы Е. Спекторский

Секретарь Ал. Маклецов¹

Публикуется по автографу: РАЛ. MS. 1066/5272. В верхней левой части листа — штамп: «Состоящая под покровительством ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА короля Югославии Александра I Русская матица Ruska matica Ljubljana, Jugoslavija Jurčičev trg. 3».

¹ *Маклецов* Александр Васильевич (1884–1948) — ученый-юрист, общественный и политический деятель, член Партии народной свободы (кадетов), приват-доцент Харьковского (1912–1919), профессор Люблянского (1926–1948) университетов, секретарь Русской матицы в Любляне.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Ф.В. Тарановского к И.А. Бунину

Белград. 13 ноября 1933 г.

№ 597

13 ноября 1933 г.

ul. Kraljice Natalije, 33,

Ruski dom

Господину академику

И.А. Бунину

Высокочтимый Иван Алексеевич,

вместе со всем Зарубежьем и со всей национально мыслящей и чувствующей подъяремной Русью Русский научный институт в Белграде вос-

торженно приветствует достойное увенчание Вас Нобелевской премией и испытывает по этому поводу сладостное чувство народной гордости.

Просим Вас принять нашу глубокую благодарность за возвеличение пред целым светом русского имени, наше сердечное поздравление и искренние пожелания долгоденствия и процветания Вашего творчества.

Председатель академик Ф. Тарановский

Публикуется по автографу: РАЛ. MS. 1066/5395. Бланк: «Русский научный институт в Белграде. Београд».

Список литературы

- 1 *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии: сб. ст. М.: Индрик, 1996. С. 46–71.
- 2 *Бакунцев А.В. И.А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937)* // Литературный факт. 2017. № 6. С. 30–51.
- 3 <Б. п.> Наши гости // Новое время (Белград). 1928. 25 сентября. № 2218. С. 1–2.
- 4 *Бондарева Е.А.* Сотрудничество пражского и белградского научных центров // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика: по материалам международной научной конференции / отв. ред. М.Г. Вандалковская. М.: Русский путь, 2005. С. 125–134.
- 5 *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М.: ДАРЪ, 2005. 496 с.
- 6 *Михальченко С.И.* Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 64–68.
- 7 *Михальченко С.И. Ф.В. Тарановский.* К вопросу о школе «Западно-Русского» права в эмиграции // Культурная миссия Российского зарубежья. История и современность. М.: Рос. ин-т культурологии, 1999. С. 115–118.
- 8 *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Е.В. Спекторский в эмиграции (1920–1951)* // Славяноведение. 2009. № 1. С. 14–24.
- 9 *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 31–53.
- 10 *Н. З. Р. <Рыбинский Н.З.>* Перед прощанием (Заключительное заседание Съезда ученых) // Новое время (Белград). 1928. 25 сентября. № 2218. С. 3.
- 11 Письма И.А. Бунина к Б.К. и В.А. Зайцевым / публ. А. Звереса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. Кн. 134. С. 172–186.
- 12 *Савицкий И.* Прага и Зарубежная Россия. (Очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага: IDEG PRAGUE, 2002. 153 с.

- 13 *Спекторский Е.В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Записки Русского научного института. Белград, 1939. Вып. 14. С. 3–27.
- 14 *Тесемников В.А.* Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: сб. ст. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. С. 172–182.
- 15 *Томсинов В.А.* Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. Статья шестая. Федор Васильевич Тарановский: судьба и творчество // Законодательство. 2003. № 4. С. 87–90; № 5. С. 87–91.
- 16 *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М.: Зерцало, 2007. Т. 2. 662 с.
- 17 *Шешкен А.Г.* Александр Белич и «русский Белград» // Славянский вестник. М., 2004. Вып. 2. С. 578–586.

References

- 1 Arsen'ev A. Russkaya diaspora v Yugoslavii [The Russian diaspora in Yugoslavia]. *Russkaya emigratsiya v Yugoslavii: Sbornik statey* [Russian emigration in Yugoslavia: Collection of articles]. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 46–71. (In Russ.)
- 2 Bakuntsev A.V. I.A. Bunin i Russkiy kul'turnyy komitet v Belgrade (1928–1937) [I.A. Bunin and the Russian Cultural Committee in Belgrade (1928–1937)]. *Literaturnyy fakt*, 2017, no 6, pp. 30–51. (In Russ.)
- 3 <B. p.> Nashi gosti [Our guests]. *Novoe vremya* (Belgrad), 1928, 25 September, no 2218, pp. 1–2. (In Russ.)
- 4 Bondareva E.A. Sotrudnichestvo prazhskogo i belgradskogo nauchnykh tsentrov [Cooperation of the Prague and Belgrad scientific centers]. *T.G. Masarik i "Russkaya aktsiya" Chekhoslovatskogo pravitel'stva: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya T.G. Masarika: po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [T.G. Masaryk and the "Russian Action" of the Czechoslovak Government: on the 150th anniversary of the birth of T.G. Masaryk: proceedings of the international scientific conference], ed. by M.G. Vandalkovskaya. Moscow, Russkiy put' Publ., 2005, pp. 125–134. (In Russ.)
- 5 Leont'ev K.N. *Vizantizm i slavyanstvo* [Vizantizm and Slavic people]. Moscow, DAR Publ., 2005. 496 p. (In Russ.)
- 6 Mikhal'chenko S.I. Dokumenty E.V. Spektorskogo v Arkhive Instituta Vostochnoy Evropy Bremenskogo universiteta [E.V. Spektorsky's documents at the Archive of the Institute of Eastern Europe, University of Bremen]. *Otechestvennye arkhivy*, 2011, no 6, pp. 64–68. (In Russ.)
- 7 Mikhal'chenko S.I. F.V. Taranovskiy. K voprosu o shkole "Zapadno-Russkogo" prava v emigratsii [F.V. Taranovsky. On the school of the "West Russian" law in emigration]. *Kul'turnaya missiya Rossiyskogo zarubezh'ya. Istoriya i sovremennost'* [Cultural mission of the Russian Abroad. History and modernity]. Moscow, Rossiyskiy institut kul'turologii

- Publ., 1999, pp. 115–118. (In Russ.)
- 8 Mikhal'chenko S.I., Tkachenko E.V. E.V. Spektorskiy v emigratsii (1920–1951) [E.V. Spektorsky in emigration (1920–1951)]. *Slavyanovedenie*, 2009, no 1, pp. 14–24. (In Russ.)
- 9 Mikhal'chenko S.I., Tkachenko E.V. Evgeniy Vasil'evich Spektorskiy [Evgeny Vasilyevich Spektorsky]. *Voprosy istorii*, 2013, no 1, pp. 31–53. (In Russ.)
- 10 N. Z. R. <Rybinskiy N.Z.> Pered proshchaniem (Zaklyuchitel'noe zasedanie Syezda uchenykh) [Before the farewell (A final meeting of the Congress of scientists)]. *Novoe vremya* (Belgrad), 1928, 25 September, no 2218, p. 3. (In Russ.)
- 11 Pis'ma I.A. Bunina k B.K. i V.A. Zaytsevym [I.A. Bunin's letters to B.K. and V.A. Zaytsevs], published by A. Zveersa. *Novyy zhurnal* (New York), 1979, book 134, pp. 172–186. (In Russ.)
- 12 Savitskiy I. *Praga i Zarubezhnaya Rossiya (Ocherki po istorii russkoy emigratsii 1918–1938 gg.)* [Prague and Foreign Russia. (Sketches on the history of the Russian emigration, 1918–1938)]. Praga, IDEG PRAGUE Publ., 2002. 153 p. (In Russ.)
- 13 Spektorskiy E.V. Desyatiletie Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade (1928–1938) [A decade of the Russian Scientific Institute in Belgrade (1928–1938)]. *Zapiski Russkogo nauchnogo instituta*, Belgrad, 1939, issue 14, pp. 3–27. (In Russ.)
- 14 Tesemnikov V.A. Deyatel'nost' Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade (1928–1941 gg.) [Activity of the Russian Scientific Institute in Belgrade (1928–1941)]. *Razvitie obshchestvennoy mysli v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy: Sbornik statey* [The development of the social thought in the countries of Central and South-Eastern Europe: a collection of articles]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1991, pp. 172–182. (In Russ.)
- 15 Tomsinov V.A. Pravovaya mysl' russkoy poslerevolutsionnoy emigratsii. Stat'ya shestaya. Fedor Vasil'evich Taranovskiy: sud'ba i tvorchestvo [Legal thought of the Russian postrevolutionary emigration. Article sixth. Fyodor Vasilyevich Taranovsky: destiny and creativity]. *Zakonodatel'stvo*, 2003, no 4, pp. 87–90; no 5, pp. 87–91. (In Russ.)
- 16 Tomsinov V.A. *Rossiyskie pravovedy XVIII–XX vekov: ocherki zhizni i tvorchestva: v 2 t.* [Russian jurists of the 18th–20th centuries: sketches of life and creativity: in 2 vols.]. Moscow, Zertsalo Publ., 2007. Vol. 2. 662 p. (In Russ.)
- 17 Sheshken A.G. Aleksandr Belich i “russkiy Belgrad” [Alexander Belich and “the Russian Belgrade”]. *Slavyanskiy vestnik*, Moscow, 2004, issue 2, pp. 578–586. (In Russ.)